приписывал батальонному командиру, популяризировал это мероприятие среди солдат, как надо воевать, но сам перед солдатами демонстрировал удивление способностям наших командиров и даже солдат. Мой авторитет настолько поднялся, что часто батальонный командир перед операцией говорил командирам, что указания тов. Николова безоговорочно надо выполнять, ибо он скажет то, что я ему сказаал. Таким образом мне было легко работать и мы в скором времени навели в батальоне полный порядок и снабдили батальон всем, чем нужно, как-то: кирками, лопатами и пр.пр., да и горький опыт в операциях очень помогал тому, чтобы батальон стал настоящей военной, дисциплинированной, боевой единицей. И [он] стал таковой. В дальнейшем трудности чувствовались только сверху, в гнилости высшего командования, с чем справиться было не в наших силах.

Слова и дела

Я выше сказал, что как прибыл в Испанию, посупил в военную офицерскую школу при штабе Интербригад и после этого взяли меня советские военные, как инструктора в Каталонскую армию. Это нужно было, потому что советские офицеры были единицы и они не могли заглядывать дальше, чем в штабы дивизии. Мы были нужны для того, чтобы идти в батальоны, роты и чтобы через нас могли проводить свои мероприятия и даже контролировать как выполняются внизу высшие распоряжения. Словом, мы должны быть толкачами всего того, что спускалось сверху. Но для того, чтобы [они] могли работать с нами успешнее, нужно было дать нам в полную власть испанских командиров, но [в то же время] нужно было сохранить за собой известную власть, чтобы могли нас вызывать, советовать, ругать, а если нужно и создать нам авторитет. По-моему, они рекомендовали нас как советских людей-командиров, старших лейтенантов. Вначале т.т. *Леонидов и Иванов* в Барселоне хорошо нас инструктировали о всех наших задачах, о работе и [мы – эта] связь с ними, разошлась по всему фронту. Но как говорится, не вышло. Как разошлись, так и не видели больше друг друга. Писали мы и пр., но 4 месяца – ни слова ответа на наши письма. Но все-таки инструкции частично получали.

Тут получилась и другая неприятность. Советским военным испанское правительство не платило деньги, платило им советское ведомство и то часть зарплаты в долларах. Другим инструкторам из наших, которые были на других фронтах, платили в месяц по 33 доллара и остальные испанскими деньгами. Также и нам обещали, но не платили. Испанцы нам не платили потому, что не имели права. Так мы проработали 4-5 месяцев без всякой зарплаты. За этот период мы уже испанизировались и с сентября месяца стали получать зарплату наравне с испанцами. Я здесь не хочу претендовать на зарплату, она мне там не была нужна. Я хочу сказать то, что здесь что-то в советском штабе была гнило. Мы все-таки выполняли их директивы, большинство инструкторов была убито и ранено, всегда в огне, но по отношению к нам с их стороны не было никакой заботы. Грубо, но факт. Потом в конце августа стали нас собирать, в нашу дивизию приехал дивизионный советник тов. Малышев[2], тоже интернационалист – югослав. Он сам получал советские деньги и удивлялся почему нам не платят испанцы, все, якобы, делал, чтобы уладить этот вопрос, но так и не уладил. Мне кажется, что наши деньги здесь, в советском штабе, съедали. Поэтому я и говорю, чтобы имели в виду.